

МЕРТВЕЕ
НЕ
БЫВАЕТ

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ:

«Плохие девочки не умирают»

«Красивые и проклятые»

«Мертвее не бывает»

Кэти Алендер

МЕРТВЕЕ
НЕ
БЫВАЕТ

Freedom

Москва
2019

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
А48

Katie Alender
AS DEAD AS IT GETS

As Dead As it Gets © 2012 by Katie Alender

This edition published by arrangement with DeFiore and Company Literary Management, Inc. through Andrew Nurnberg Literary Agency.

Адаптация дизайна *Юрия Щербакова*

Алендер, Кэти.

А48 Мертвее не бывает / Кэти Алендер; [пер. с англ. А. С. Федотовой]. — Москва : Эксмо, 2019. — 448 с. — (Young Adult. Мистика. Плохие девочки не умирают).

ISBN 978-5-04-100175-9

Встреча с кровожадным духом, что вселился в ее сестру, борьба со злом, поработившим ее друзей, оставили неизгладимый след в судьбе Алексис. И теперь девушка может лишь мечтать о спокойной обычной жизни.

Потому что в обычной жизни люди не видят разлагающиеся тела на фотографиях. Им незнаком ужас от встречи с призраком. Их не преследуют видения, способные свести с ума.

Алексис уверена, причина всех ее бед — призрак, вернувшийся ради мести. Вот только опасность угрожает не только ей: по всему Сюррею начинают пропадать девушки, оставляя после себя лишь желтую розу. Как только Алексис решает вмешаться, она понимает, ее враг — нечто более опасное и ужасающее, сущность, что забирает жизни и не остановится ни перед чем...

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Федотова А.С.,
перевод на русский язык, 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-100175-9

Моим родителям

БЛАГОДАРНОСТИ

Спасибо моему мужу, который вдохновляет, поддерживает меня и постоянно бросает вызовы.

Спасибо Мэттью Элблонку, который никогда не проносит вслух: «Ну я же говорил!», хотя часто имеет для этого повод, и всем замечательным ребятам из «ДэФирэ энд Кампани».

Спасибо Эбби Рэйнджер, Стэфани Льюри, Лоре Шрайбер, Хэлли Пэттерсон, Марси Сэндерс, Энн Дай, Диане Шерман и всем чудесным людям, которые занимаются коллективной работой в Гиперионе, за непрекращающуюся поддержку, которую я очень ценю.

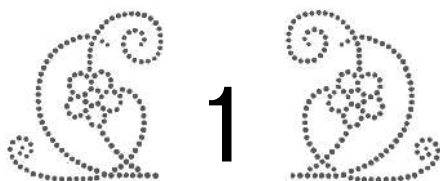
Спасибо всем членам моей огромной семьи; бесконечно люблю вас (всех девять сотен человек).

Спасибо моим друзьям, которые для меня словно еще одна огромная семья; ребята, вас я тоже очень люблю (хотя обычно говорю это только за вашими спинами).

И спасибо, спасибо, спасибо всем людям, благодаря которым я смогла жить этой мечтой: читателям, бло-

герам, коллегам-писателям, библиотекарям, учителям, продавцам в книжных магазинах, фанатам и подписчикам, а также родителям, которые прививают своим детям любовь к чтению.

Я буквально не знаю, что бы делала без вас... И я говорю это от всего сердца, а не потому, что так положено.

Плохая новость: призраки окружают вас повсюду.

Они живут у вас на кухне, в гараже и в школьной столовой. Они безмолвно сидят рядом, пока вы веселитесь с друзьями в бассейне, ругаетесь с родителями или целуетесь со своим парнем. Они парят сзади, пока вы с компанией смотрите ужастик. Навстречу героине выпрыгивает маньяк в маске, и вы визжите, а тем временем кошмарное привидение дышит эктоплазмой вам в шею.

Хорошая новость (для вас): вы никогда об этом не узнаете.

Вы можете бездумно соблазнять их дурацкими играми. Кружитесь на здоровье в темной ванной, нараспев произнося имя какого-нибудь призрака. Он, конечно, с удовольствием пришел бы и оторвал вам голову. Я не шучу, он в буквальном смысле отодрал бы прелестную, круглую, как арбуз, голову с вашей тощей шеи. Но, несмотря на это, вы, скорее всего, за всю свою жизнь ни разу не увидите призрака.

А вот я их вижу.

Постоянно.

В первый раз я увидела привидение на похоронах — логично, правда? Начнем с того, что похороны вообще не самое приятное мероприятие. Но когда призрак погибшей девочки решает зайти на свое погребение и пытается сбросить вас к себе в могилу, становится вообще не до веселья. Все присутствующие на похоронах решают, что вы сошли с ума. Это вдобавок к тому, что все они втайне подозревают, что вы эту девочку и убили.

Пару дней ты раздумываешь, действительно ли ты все это видела или тебе просто показалось. Потом решаешь, что люди, считающие тебя сумасшедшей, вероятно, не так уж далеки от истины. И вдруг начинаешь замечать боковым зрением какие-то странные, размытые тени, которые то появляются, то исчезают. Постепенно ты понимаешь, что видишь их только на фотографиях и по телевизору. А в один прекрасный день просыпаешься и осознаешь, что у размытых теней есть форма и на самом деле это не просто размытые тени...

Это покойники.

По крайней мере, со мной все произошло именно так.

Например, раньше у меня над столом висела фотография. Оказалось, что среди моих друзей, которые говорят «сыыыыыр», на ней запечатлена мертвая старушка с гнойными язвами на лице. В местной студии, где снимают новости, живет призрак мужчины с железнодорожным крепежом в груди. А в моем учебнике по естествознанию на большинстве фотографий с пошаговыми инструкциями для лабораторных работ виднеется пара девочек-близняшек. У них впалые щеки и ввалив-

шиеся глаза, и они всегда обнимают друг друга за пояс. На всех этих снимках призраки напоминают обычных людей. Они абсолютно неподвижны. Застыли в единственном моменте своей загробной жизни.

Вы когда-нибудь пробовали прожить день, ни разу не взглянув ни на одну фотографию и не зависнув на минуту перед телевизором? Все мое существование превратилось в крайне неприятную игру под названием «Найди призрака». Но без школьных фотопортретов, вечерних новостей и последнего выпуска *Cosmopolitan* можно обойтись — мне на это плевать. Для меня имеет значение лишь одно: снимки, которые я делаю сама.

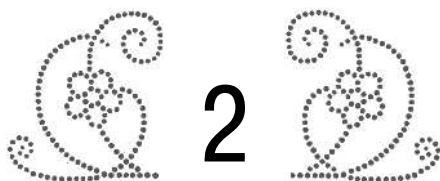
Я не представляю себя без фотокамеры с двенадцати лет. Она часть меня, причем лучшая часть. Когда все в моей жизни шло наперекосяк, я всегда могла спрятаться в своей собственной крохотной вселенной и увидеть мир таким, каким хотела его видеть.

Но теперь я не хочу даже подходить к фотоаппарату. Не хочу смотреть на свои снимки.

Потому что на каждом из них вижу мертвецов.

Вот такие дела. Моя жизнь разрушена. Мне некуда бежать. Негде прятаться. От настороженных взглядов и перешептываний... от подозрений... от призраков... и, что хуже всего...

От своих собственных мыслей.

Джаред ступал легко, словно охотник, — ветки и опавшие листья лишь чуть слышно потрескивали под его ногами. Он всматривался, вслушивался, ждал подходящего момента, чтобы бесшумно поднять фотоаппарат и сделать снимок.

Я наблюдала за тем, как он работает, и мне казалось, что я через крошечное окошко заглядываю в свою прошлую жизнь.

— В общем, я сказал, что готов уважительно относиться к учителям на замене, если они будут хотя бы немного знакомы с научным методом. А потом... — Он перевел взгляд куда-то наверх. Поднял фотоаппарат и мгновенно сделал несколько фотографий. Я увидела только, как над тропой пронеслась тень.

Через секунду он повернулся ко мне, чтобы показать кадры в видеискателе.

— Сова. Почему она летает тут среди бела дня? Наверное, кто-то потревожил ее гнездо.

Мое основное правило гласит: не смотри на фотографии, если в этом нет необходимости. Но в тот момент

я подумала, что большой опасности увидеть призрака нет: вряд ли они парят у нас над головами, в нескольких метрах над землей. Так что я поддалась и начала листать фотографии Джаред.

Они вышли потрясаясь. На животе у совы виднелись яркие черно-белые полосы, ее крылья были расправлены в полете, а перья по краям напоминали вытянутые пальцы.

— Мне очень нравится, — сказала я.

Тут я поняла, что до сих пор держусь за фотоаппарат, а следовательно, и за Джареда — камера висела у него на груди. Похоже, его не смущало, что мы оказались так близко друг к другу, но я аккуратно отдала ему фотоаппарат и сделала шаг назад.

Он слегка улыбнулся мне. Я отвернулась.

Небо было затянуто тучами, и холод стоял невыносимый. Внезапный циклон, налетевший в выходные, отпугнул любителей прогуляться или выйти на пробежку, которых в заповеднике обычно хватало. Мы брели по тропе уже около часа и за все это время встретили всего двух человек. Шел второй день зимы, и температура не поднималась выше четырех градусов. Я закуталась в три слоя одежды, но Джаред остался верен своему хипстерскому стилю: на нем были джинсы, фланелевая рубашка и начищенные коричневые ботинки. Только легкую курточку накинул.

— И что потом? Были проблемы? — спросила я.

Он недоуменно моргнул, пытаясь вспомнить, о чем мы говорили.

— А... Она отправила меня к директору.

— Фигово.

— Да не. — Джаред пожал плечами. — Отец Лопес — человек понимающий. Просто сказал мне вести себя с ней повежливее.

Я слушала вполуха. У меня из головы никак не выходила сова с фотографии. То, как она прорезала крыльями серое зимнее небо. То, как прижимала узловатые ноги к телу. Меня охватила холодная, отчаянная зависть.

Вы спросите: зачем человеку, который на фотографии даже взглянуть боится, выходить на прогулку с целью что-нибудь поснимать? На самом деле я проводила дни с Джаредом не ради хороших кадров. Я хотела побыть с тем, кто знал меня, но не слишком близко. С тем, кому я была интересна, но не чересчур. Джаред оказался едва ли не единственным человеком, рядом с которым я могла находиться. Кроме того, только он — не считая родственников — позвал меня хоть куда-нибудь.

Хоть я и не хотела фотографировать, мне нужно было гулять на свежем воздухе. Нужно было выбирать-ся из дома, где я задыхалась и где меня душила (пусть и с благими намерениями) моя семья. Я всегда брала с собой фотоаппарат, потому что боялась, что иначе Джаред сочтет меня странной и перестанет приглашать с собой. Так что я использовала камеру как бутафорию. Как плату за входной билет. Снимки я делала редко, зато хорошо научилась притворяться, что делаю их — ровно столько, сколько нужно, чтобы избежать подозрений.

Но мысль о сове, устремившейся вниз в своем полете, придавала мне безрассудной храбрости. Я поднесла фотоаппарат к лицу. Джаред замолчал и отошел в сторону, как будто знал, что в этот момент мне нужно было побыть одной.

Сначала я подняла объектив к небу и нацелила его на тонкие, голые ветки деревьев. Казалось, что они растут из нижнего края кадра, словно травинки. Мне нравилась эта иллюзия.

Я немного опустила объектив и сделала второй снимок. Сместила его еще чуть-чуть ниже — и нажала на кнопку затвора. Я искала глазами малейшие следы того, что сейчас появится призрак, но ничего не происходило. Тут меня с головой накрыло облегчение, и я начала снимать в привычном ритме: *щелк* — смена кадра — *щелк* — смена кадра. Это было так же естественно, как дышать. Джаред находился в паре метров от меня. Мы двигались, словно пара танцоров на сцене: ни на секунду не забывали друг о друге, при этом отдавая все внимание своей работе.

Постепенно я перестала беспокоиться из-за призраков.

Когда мы дошли до поворота, я пролистала кадры назад и посмотрела на дисплей.

На моих фотографиях был какой-то человек.

Моему мозгу понадобилась секунда, чтобы осознать увиденное. На тропе стоял маленький мальчик в полинявшей зимней куртке. Его русые волосы были аккуратно зачесаны набок и прикрывали часть лба. Ему было три или четыре года, не больше. К его светло-коричневым брюкам прилипла грязь, как будто он падал на коленки. Смотрел он куда-то в сторону.

На следующей фотографии он глядел прямо в объектив. Его глаза оказались ангельски-голубыми. Такие, наверное, были в детстве у Картера Блюма — человека, о котором мне сейчас меньше всего хотелось думать.